

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

Абсолютное оружие

Василий Головачев

Конец света

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Конец света / В. В. Головачев — «Эксмо», 2017 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-699-95634-0

Трагическая гибель генерал-майора полиции Николая Зимятова потянула за собой ниточку расследования, в сферу интересов которого одно за другим начали попадать «странные» дела, связанные с самовозгоранием людей. Что это – мистика? Новое природное явление? Чья-то злая воля или научные эксперименты, проводимые спецслужбами? И почему именно сейчас, когда страна оказалась на пороге очередного политического кризиса? Однажды став участником событий, объяснение которым еще предстоит найти, майор ФСБ Михаил Потапов вынужден срочно реагировать на эти загадочные явления и спасти от «просветления» обреченных на гибель людей...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95634-0

© Головачев В. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Событие	6
Данность	12
Информация к размышлению	19
Событие	24
Предпосылки к действию	30
Событие	33
Угроза	35
Событие	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Василий Головачёв Конец света

Восстановление чистоты мира требует смелых, решительных действий, а не тоскливого краснбайства и безвольных политических протестов, на которые всё равно никто не обращает внимания.

Р. Ладлэм. Зелёная угроза

Разработка серийного оформления А. Саукова

Серия основана в 1996 году

Иллюстрация на переплете В. Петелина

Адрес интернет-страницы автора: www.golovachev.ru

© Головачёв В.В., 2017 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Событие

Если бы случайный прохожий смог проникнуть на территорию Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, он едва ли обратил бы внимание на скучное трёхэтажное здание на берегу пруда, в тупике улицы Пасечной. Никакими архитектурными достоинствами, изяществом линий и качеством отделки оно не обладало, как и все административные здания советского периода. Вот только появиться случайный прохожий рядом с этим зданием не мог. Несмотря на незатейливую вывеску: «Агропромышленная корпорация «Восток», здание принадлежало ФСБ и охранялось не хуже знаменитого комплекса зданий на Лубянке.

Нынешнее лето выдалось прохладным, и в августе постоянно шли дожди, снижая температуру воздуха в Москве против климатической нормы на шесть-восемь градусов. Те, кто работал либо отдыхал на даче, не имея возможности полететь к морю, ворчали на погоду и «проклятых американцев», экспериментирующих с климатом. Те же, кто по большей части торчал перед монитором компьютера, а таких насчитывались миллионы в столице и Подмоскowie, не особенно обращали внимание на погоду, убивая время и собственное здоровье виртуальной реальностью.

То же самое относилось и к сотрудникам «Агропромышленной корпорации», вынужденным являться на работу в любое время суток без опозданий и жалоб на «всеобщее планетарное потепление», в результате которого в средней полосе России почему-то холодало и чаще шли дожди.

В двенадцать часов дня у центрального входа в здание остановилось два автомобиля: чёрный кроссовер «Порше Кайенн» и лимузин «Чайка» отечественного производства. Разрабатывалась «Чайка» для кортежей президента страны, однако, как всегда бывает у власть имущих, на таких лимузинах, способных выдержать взрыв противотанковой мины и выстрел из противотанкового гранатомёта, ездили теперь все высокопоставленные чиновники и главы силовых структур.

Из «Порше» вылез молодой человек в строгом чёрном костюме, подошёл к «Чайке», из которой выскочил такой же парень в чёрном, открыл заднюю дверцу автомобиля. Оттуда не спеша выбрался крупнолицый, головастый, стриженный чуть ли не «под ноль» мужчина в полосатом костюме, при галстуке. Оба молодых телохранителя проводили его ко входу в здание «Агропромышленной корпорации» и проследовали за ним.

В небольшом холле, снабжённом турникетом и рамкой магнитного сканера, гостя ждали двое мужчин: высокий, выше гостя на полголовы, узколицый, с мощными бровями, обладатель роскошной волны седеющих волос, и приземистый толстяк с одутловатым лицом и блёклыми, неопределённого цвета глазами. На обоих были белые халаты.

– Останьтесь, – приказал гость сопровождающим, не глядя на них.

Парни послушно отошли в сторонку.

Встречающие дождались, когда гость пройдёт через систему контроля (зазвенело, но его пропустили без досмотра), подошли к нему. Высокий протянул руку, толстяк подобострастно поклонился.

Гость – это был заместитель директора ФСБ Коржевский – пожал руку высокому, кивнул толстяку, и все трое проследовали по широкой лестнице из холла на второй этаж здания, в кабинет руководителя «корпорации», на двери которого висела золотая табличка: «Калажников Н. Н. Директор».

Кабинет был небольшой, специфического вида. Все его стены представляли собой стеллажи с какими-то приборами, сложными устройствами, антеннами, узлами аппаратуры и моделями неких механизмов. Лишь стена за столом директора являлась книжным шкафом, в нише которого между полками висел портрет премьер-министра, а не президента, как можно было ожидать.

– Присаживайтесь, Адольф Эмильевич, – пригласил хозяин кабинета.

– У меня мало времени, Николай Наумович, – проворчал Коржевский, но сел. – Давайте сразу к делу. У вас всё готово?

– Так точно, – кивнул Калажников, занимая своё кресло чёрной кожи без всяких вензелей и инкрустаций. – Остались последние штрихи, объект проходит последнюю стадию процесса активации инфламмасомы.

– Активацию чего?

– Разрешите? – несмело шагнул к столу толстяк.

Калажников вопросительно посмотрел на гостя.

Тот глянул на часы, побарабанил пальцами по столу.

– Если коротко.

Толстяк присел на краешек стула напротив, развернул лежащий на столешнице планшет.

– В двух словах... для активации эгана требуется настроить ансамбли клеток организма...

– Минуту, Николай Наумович, вы говорили, что готовы провести испытания этого... эгана. Вы здесь будете его испытывать?

– Разумеется, не здесь, в специальной камере.

– Вот и давайте проводите.

– Мы хотели бы предварительно объяснить суть теории.

– Мне нужен результат, а не теория.

– Но если вы будете докладывать наверх об испытании эгана, – с улыбкой сказал Калажников, – у вас могут спросить о принципе действия.

Коржевский пожевал губами, нехотя кивнул.

– Хорошо, только покороче, у меня важная встреча в два часа дня.

– Вот, смотрите, – развернул экран планшета толстяк.

– Без фанатизма, Кирсан Вольфович, – погрозил ему пальцем Калажников. – Проведём Адольфа Эмильевича по лабораториям, покажем аппаратуру вживую.

– Тогда я начну с главных постулатов, – заторопился толстяк. – Согласно теории суперструн, так называемые элементарные частицы представляют собой ансамбли, объединяющие частицы и античастицы. То есть антимир находится не где-то там в глубоком космосе, а пронизывают наш мир, нас с вами, все материальные структуры. Поэтому эти структуры суть потенциально взрывчатые вещества, способные в определённых обстоятельствах аннигилировать. Мы смогли рассчитать параметры процесса, который ведёт к разбалансировке ансамблей частиц и к аннигиляции. К сожалению, пока только в живых объектах со слабым психоконтролем... – Толстяк нерешительно посмотрел на своего шефа.

– Экспериментировали в основном на кроликах, – пояснил Калажников, глядя на экран своего компьютера. – Хотя наша задача была – дойти до объектов с полноценной психикой, то есть людей, которых можно заставить реагировать на закладку.

– Совершенно верно, – подхватил толстяк. – Но тело живого существа, в том числе человека, состоит из миллиардов клеток, которые в свою очередь состоят из триллионов атомов...

– Ещё короче.

– Поэтому заставить их проаннигилировать одновременно невозможно, – закончил мысль Кирсан Вольфович. – Приходится выращивать нанокластер – белковую структуру, так называемую инфламмасому, высвобождающую в цитоплазму клетки так называемые цитокины. Мы смогли создать особые цитокины, активирующие бета-амилоиды...

Замдиректора ФСБ поднял ладонь, недовольно посмотрел на хозяина кабинета.

– Ну?

– ...вызывающие не просто иммунный ответ, а инфляционный – взрывной распад элементарных частиц, – пролепетал толстяк, – так называемый холодный термодинамический распад...

Калажников засмеялся.

– Кирсан Вольфович сел на своего конька. Если не применять спецтерминологию, то суть проекта вот в чём. Издавна известны случаи полного сгорания людей, после чего от них не оставалось даже костей. Мы занялись изучением этого процесса лет сорок назад, а два года назад появился «проект ФФ» – «Фотонная фауна», в результате реализации которого наши специалисты докопались до истины. Теперь мы в состоянии управлять эгоаннигиляцией, хотя пока и в ограниченных масштабах. Продолжайте, коллега.

– В общем, да... есть проблемы, – после паузы начал толстяк. – Инфламмасы эгана пока не достигают необходимых величин, мешает естественное обновление организма, и тело испытателя не сгорает полностью.

– Почему?

Толстяк криво улыбнулся.

– Большинство клеток тела полностью заменяется новыми. К примеру, пока я это говорил, в вашем организме сменилось около ста миллионов клеток. Продолжительность жизни клеток крови варьируется от нескольких часов до месяца, тромбоциты существуют девять дней, время жизни микротрубок нейронов составляет около десяти минут, актиновые филаменты в дендритах вообще существуют всего около сорока секунд. Приходится постоянно программировать рост инфламмасы...

– Ещё короче, пожалуйста.

Толстяк вспотел.

– Мы начали с сердца, его клетки наиболее устойчивы к замене клеточного материала...

– Поэтому нам удалось задерживать срабатывание эгана пока только на трое-четыре суток, – закончил Калажников. – Полного сгорания не получается, но процесс понятен и будет скоро доведён до финала.

– Почему же люди... судя по свидетельствам... сгорали полностью, а ваши испытатели – нет?

– Мы работаем над этим, Адольф Эмильевич, добились сгорания самого устойчивого органа – сердца. Можем продемонстрировать вам первый образец.

– Так уж и первый? – прищурился Коржевский.

Калажников развёл руками, не смущаясь.

– Ну... говорят... и Гагарин не первым летал в космос?

Заместитель директора ФСБ встал.

– Идёмте.

Переглянувшиеся руководители «Востока» последовали за ним.

Испытательный полигон, как его называли сотрудники «корпорации», а на деле секретной лаборатории ФСБ, располагался на третьем подземном уровне, на глубине двенадцати метров.

Спустились вниз, прошли по широкому светлому коридору с десятком белых дверей под номерами, остановились перед мощной трёхметровой дверью с рядами контрфорсов и круглых выступов.

В потолке коридора загорелась алая звезда, развернулась в луч сканирующего лазерного устройства, скользнувший по остановившимся мужчинам, в стенах загорелись вертикальные синие огни.

– Со мной, – равнодушно бросил Калажников.

Створки двери с тихим гулом разошлись в стороны.

Взору гостей стал доступен большой зал, разделённый прозрачными и полупрозрачными перегородками на отдельные секции.

Калажников повернул направо, минув две прозрачные колонны, внутри которых струились снизу вверх очереди цветных воздушных пузырей. Остановился на пороге секции, напоминающей хирургическую операционную, заставленную приборными стойками и консолями. Посреди бокса располагалось устройство с подвешенным лежаком, напоминающее томограф. В помещении работали за столиками с экранами мониторов две женщины в серых комбинезонах. На вошедших они не обратили никакого внимания.

– Акцептивный блокератор, – указал на «томограф» Калажников. – Иницирует закладку эгана.

Коржевский с любопытством осмотрел конструкцию.

– И как он активируется?

– У низших животных всё происходит автоматически, – заговорил потеющий всё больше Кирсан Вольфович. – Запрограммировали, эган сформировал рост инфламмасы, и через минуту – аутбест! С человеческим материалом процесс идёт сложнее.

Заместитель директора ФСБ косо посмотрел на Калажникова, и тот развёл руками, как бы говоря: я тут ни при чём.

– Я понял. Как вы формируете срабатывание... э-э... эгана?

– Кодом срабатывания может быть слово, целая фраза, образ, определённое действие или движение. Нашим коллегам из института мозга удалось добиться устойчивого кодирования на уровне подсознания, после чего человек ничего не помнит о «закладке». Опыты начались ещё в семидесятые годы, в Оксфорде и у нас в институте нейрофизиологии, с помощью слабых электроразрядов через кору мозга удавалось добиться от испытуемых хороших результатов. Они начинали быстрее решать арифметические задачи и мыслить активнее. Нынешнее поколение электростимуляторов...

– Опустите подробности.

– Простите, увлёкся, – виновато сморщился толстяк. – В общем, мы не испытываем проблем с кодированием подопытного материала.

– Надеюсь, добровольцев? – приподнял бровь Коржевский.

– О да, – улыбнулся Калажников. – Насчёт этого можете не сомневаться. Наш расходный материал – люди с суицидальными наклонностями и абсолютно больные индивидуумы, которым нечего терять.

Коржевский обошёл программатор эгана, присматриваясь к его сверкающим узлам и деталям, повернулся к директору «Востока».

– Дальше.

– Идёмте.

Миновали инструментальные боксы и секции, набитые всевозможной аппаратурой, освещённые пунктирами флюоресцентов, вышли в короткий коридор с двумя белыми дверями и одной массивной, металлической, снабжённой брусками и рядами стоек.

– Испытательная камера, – кивнул на дверь спутник Калажникова.

– Откройте.

Руководители «Востока» переглянулись.

– Внутри уже помещён испытатель, – проблеял дрожащим голосом толстяк.

– Откройте.

Калажников дотронулся до воротника халата, в который было вмонтирован микрофон переговорного устройства.

– Дельта-шесть, откройте.

Дверь толщиной чуть ли не в метр с гулом поползла вбок.

Взору открылось кубическое помещение с размером стороны в два метра, стены которого украшала мозаика серых металлических и красноватых керамических плит. Посреди помещения располагалось кресло, напоминающее зубоврачебное, в котором сидел пожилой смуглолицый бородатый мужчина в красном комбинезоне. Руки, ноги и шея мужчины были прихвачены к подлокотникам кресла металлическими браслетами, на голове плотно сидел шлем в форме зонта. Глаза мужчины были закрыты.

Калажников поймал взгляд гостя, улыбнулся.

– Абдулхамид Мирзоев, киллер, вербовщик ИГИЛ, захвачен антитеррористическим спецназом год назад. На его счету более сотни смертей.

Коржевский собрал морщины на лбу.

– Мне докладывали, что он убит при задержании.

– Как видите, жив и здоров... пока.

– Не хотелось бы потом отбрёхиваться...

– Отбрёхиваться не придётся, уверяю вас. К тому же он не успеет ничего почувствовать.

– Хорошо. – Замдиректора ФСБ вышел из камеры.

Его провели в соседнее помещение, представляющее собой терминал управления полигоном. Помещение было достаточно большим, но аппаратные панели, консоли, пульта и панорамные мониторы превращали его в пост управления атомной подводной лодкой.

Присутствовали здесь и операторы – два молодых парня в голубоватых халатах и лохматый старик в очках, одетый в чёрный комбинезон.

Коржевского усадили перед огромным, высотой с человека, экраном, и когда экран протаял в глубину, замдиректора ФСБ невольно привстал с места: показалось, что перед ним открылась дверь в ту самую камеру, где сидел «кролик».

– Носков, – бросил через плечо Калажников, устраиваясь рядом с гостем, – доложите.

– Клиент созрел, – тенорком ответил старик в чёрном.

– Запускайте.

Операторы за консолями пультов сделали одинаковое движение.

По стенам терминала промигнули зелёные и синие огни, под потолком прозвучал гонг.

Сидевший в кресле мужчина открыл глаза, мгновение прислушивался к чему-то, дернулся... и вспышка яркого радужного света ударила по глазам экспериментаторов, заставив Коржевского закрыть глаза ладонью и нагнуться.

Динамики донесли странный вибрирующий полувопл-полусвист, утонувший в металлических плитах стен камеры.

Вся поверхность экрана покрылась кровавыми брызгами, ошмётками плоти и клочьями красного комбинезона. Помещение камеры затянуло жёлтым дымком. Когда он рассеялся, взору наблюдателей предстало пустое кресло, обляпанное дымящимися клочьями человеческого мяса, осколками костей и брызгами крови.

Примерно так же выглядели и стены камеры.

Коржевский брезгливо поморщился.

– Слишком много... грязи.

– Инфламмоса выросла не очень большая, – торопливо пробормотал Кирсан Вольфович. – Вся масса тела не успела проаннигилировать...

– Вы обещали чистый свет.

– Будет свет, Адольф Эмильевич, – пообещал ничуть не смущённый замечанием директор лаборатории, – в конце туннеля. Готовятся новые программы и возбудители реакции уровня нано. Но уже сейчас видно, что мы на верном пути.

Коржевский с минуту разглядывал кровавое месиво в камере, поднялся.

– Попробуйте обойтись без... живых трупов. Экспериментируйте на кроликах, мышах, обезьянах... во всяком случае, до тех пор, пока мы не получим чистый продукт.

– Хорошо, как скажете, – пожал плечами Калажников. – Хотите посмотреть на разработку программ? Или повтор эгана?

– Спасибо, нет времени.

– Идёмте, я провожу вас. – Калажников повёл высокого гостя к выходу, бросив через плечо помощнику: – Стандартная процедура, доктор.

Вернулся он через четверть часа.

Пришедший в себя толстяк посмотрел на него вопросительно.

– Что он сказал?

– Финансирование увеличат на полсотни процентов.

– Нет, я про это. – Кирсан Вольфович кивнул на экран, всё ещё показывающий внутренности камеры, в которой ворочались фигуры в серебристых комбинезонах и противогазах.

– Всё нормально, впечатлён.

– Но он приказал не экспериментировать на людях, а мы уже подготовили зэка...

– Во-первых, господин Коржевский не приказывал, а просил. Во-вторых, вряд ли он станет проверять, на ком мы ставим опыты. В-третьих, даже если узнает, у нас есть хорошее логическое обоснование: мы ликвидируем преступников, причём безупречно гуманным способом. – Калажников хохотнул, похлопал толстяка по плечу. – Работайте, Кирсан Вольфович, не забивайте голову пустяками.

Данность

Барсуков Анатолий Дмитриевич считал себя очень креативным и продвинутым в современных информационных технологиях человеком. Несмотря на занимаемый им пост председателя правительства Российской Федерации, он с удовольствием занимался спортом, будучи неплохим пловцом, носил модные костюмы в стиле смарт-фэшн (с процессором и множеством датчиков, определяющих внутреннее состояние владельца) и с незаметными накладками на плечах костюмов, подчёркивающими его «сапиосексепильность» (плечи у Анатолия Дмитриевича, прямо скажем, почти отсутствовали, как у рептилии), и вёл свой блог, будучи страстным блоггером.

Ходил он всегда с подчёркнутым энергетическим разворотом торса (ему нравилось быть вторым человеком в государстве, хотя он мечтал стать первым) и умел произносить речи, не пользуясь бумажками и «шептунами» (как бывший президент США Обама), хотя нередко делал заявления, подчёркивающие его некомпетентность в том или ином вопросе.

Брился Анатолий Дмитриевич до зеркального блеска, подбирая виски, а об его увлечении модными причёсками в стиле «рогоз» ходило множество анекдотов. Один из них утверждал, что волосы Анатолия Дмитриевича выращены искусственно с помощью генной модификации перьев фламинго. Во всяком случае, выглядели они именно как перья и отливали радужным блеском.

Характером Анатолий Дмитриевич обладал резким, холерическим, импульсивным, непредсказуемым, нетерпеливым, однако редко повышал голос на подчинённых кабинета министров, предпочитая выслушивать их мнения и делать всё по-своему. Будучи мнительным и обидчивым с детства, он завёл советников, оценивающих поведение сотрудников госаппарата, и вёл досье на тех, кто, по его мнению, не отличался излишней самостоятельностью. Но всё же главной его чертой была чрезвычайная восприимчивость ко всему новому при полном отсутствии интереса глубже изучить проблему, что зачастую мешало ему доводить дело до конца. Потеряв интерес к какой-нибудь проблеме, Анатолий Дмитриевич спихивал её на одного из заместителей и забывал о ней, увлекаясь новой идеей.

В отличие от президента, да и от русских царей и генсеков советского периода, увлекающихся созерцанием звёздного неба (Иван Грозный) или ездой на велосипеде (Ленин), собирающих библиотеки (Ярослав Мудрый и тот же Грозный), игрушечных солдатиков (Пётр III), рисовавших воинские мундиры (Николай I), писавших стихи и эпиграммы (Андропов), Анатолий Дмитриевич Барсуков до самозабвения любил компьютерные танковые бои и нередко в своей резиденции в Горках просиживал за компьютером по несколько часов кряду.

При этом как либерал голубых кровей, преемник идей Гайдара и его сподвижников — Чубайла, Брефа, Кудриса, он искренне полагал, что действует правильно и что главными проблемами правительства являются удешевление нефти и другого экспортного сырья. Не примитивная структура экономики, не чудовищный произвол олигархов, не ужасающая коррупция всех ветвей власти, не убивающий хозяйство искусственный «денежный голод», не обнищание населения страны и не поддержка Запада (в особенности финансовых институтов США) финансовыми инструментами России (через вклады в облигации и инвестирование экономики) — а только лишь падение доходов от продажи полезных ископаемых.

По сути, Анатолий Дмитриевич не понимал, что служит интересам либеральной мировой системы и гигантских монополий, но не интересам государства российского и его народа.

В силу этого обстоятельства Анатолий Дмитриевич, как и все российские неолибералы, был обязан уничтожать Россию, поэтому везде и повсюду поддерживал не вызывающие у людей одобрение, понимание и принятие меры, а наоборот – то, что было непопулярно и вредно для народа.

При этом он спокойно планировал то или иное мероприятие, идущее вразрез с решениями президента, и не оставлял надежды сменить его в ближайшем будущем.

Под стать ему было и окружение. Его друзьями и соратниками стали министр экономического развития Глюкаев, вице-премьер Дворковец, советник президента Кудрис и президент Сбербанка Бреф, держатель «народной кубышки», не стеснявшийся ежегодно выплачивать себе, любимому, и соратникам – «эффективным менеджерам» огромные бонусы из не принадлежащих ему государственных денег.

Входил в круг друзей Барсукова и вице-премьер Шугалов, спящий и видящий у власти друзей-американцев, и заместитель директора ФСБ Коржевский, также мечтавший стать первым человеком в «конторе» и точивший зуб на президента, поставившего директором Федеральной службы безопасности «не того» человека. Коржевский мог заходить в рабочие кабинеты Анатолия Дмитриевича без предупреждения в любой момент и пользовался этим преимуществом, когда заблагорассудится.

Но в этот четверг восемнадцатого августа премьер-министр сам назначил ему встречу и ждал появления чекиста с нетерпением, так как тот пообещал ему сообщить некую сюрпризную новость. Заказав секретарше кофе (он любил латте), Анатолий Дмитриевич сел за стол и вывел на экран компьютера свою новую игрушку из цикла «Tanks war».

В этом кабинете никто не мог видеть, чем он занимается в свободное от работы время.

Вообще каждый новый хозяин кабинета обустраивал его под свои вкусы и характерные особенности. Не избежал этого процесса и Анатолий Дмитриевич.

Если прежний глава правительства сделал стены кабинета серо-белыми, то Анатолий Дмитриевич любил жёлтый и голубой цвета, поэтому помещение получилось в «жовто-блакитном» духе, несмотря на присутствие в углу российского флага.

Заменил Анатолий Дмитриевич и столы, составленные буквой «Т», и стулья с вензелями, избрав для убранства кабинета новейшие материалы – керамику, фарфор, стекло, хрусталь, алюминий и никель, отчего человек в кабинете превращался в пленника футуристической композиции хай-тека.

Если на столе прежнего премьера всегда был разложен рабочий административный набор: блокнот с гербом, ручка, диктофон, Конституция России, папки с документами, подставки под канцелярские принадлежности, – то у нынешнего стол был девственно чист. Анатолий Дмитриевич не признавал бумажных носителей информации и все документы держал в компьютере. Он и подписи на документах ставил в электронном виде, не пользуясь ручкой.

Лишь дополнительный стол слева от кресла не изменил своего облика. На нём по-прежнему стояли четыре белых телефона правительственной связи, спецкоммутатор, пульт связи с министрами, Государственной Думой и Советом Федерации, а также интерактивный дисплей.

Тумбочку за креслом и шредер для уничтожения бумаг Анатолий Дмитриевич вообще убрал из кабинета за ненадобностью.

Коржевский заявился в кабинет премьера на пятом этаже Белого дома ровно в два часа дня. Он был подтянут, энергичен, гладко выбрит, и пахло от заместителя главы ФСБ дорогим «Acqua Di Gio».

Анатолий Дмитриевич с сожалением выключил компьютер (он только что вырвался на оперативный простор), жестом предложил гостю сесть.

– Кофе, Адольф Эмильевич?

– Спасибо, Анатолий Дмитриевич, – подсел к столу Коржевский. – Жарко сегодня и душно, словно и вправду лето вернулось, чего-либо попрохладней разве что.

– Квас, кола?

– Я знаю, что вы предпочитаете морсы.

– Я предпочитаю холодную ключевую воду, – рассмеялся Барсуков. – Без всякой химии и ГМО. Могу предложить клюквенный морс, мне его варят по старинным новгородским рецептам.

– Не откажусь.

Барсуков коснулся сенсора селектора.

– Маша, два бокала морса.

– Секунду, Анатолий Дмитриевич.

Через минуту миловидная молодая секретарша принесла поднос с двумя высокими бокалами, наполненными на три четверти малинового цвета жидкостью, графин с морсом и вазочку с колотым льдом, поставила поднос перед хозяином кабинета.

Барсуков показал на гостя.

Секретарша подала Коржевскому бокал на картонной подставке, улыбнулась, вышла.

Заместитель директора ФСБ проводил её оценивающим взглядом, отпил глоток, поцокал языком.

– Изумительный вкус!

Барсуков отпил сразу полбокала, откинулся на спинку кресла.

– Выкладывайте свой обещанный сюрприз.

– Проект «Фотонная фауна» вошёл в завершающую стадию. Я вам рассказывал общую идею в начале года.

Анатолий Дмитриевич с любопытством оглядел непроницаемое лицо гостя.

– Это вспыхивающие кролики, если память мне не изменяет?

Коржевский вылепил из сухих бледных губ ироническую улыбку.

– Сгорают не только кролики и мыши, все живые объекты, в том числе и люди. Вообще в первую очередь люди, с изучения этого феномена мы и начали. Учёные давно интересовались вопросом, почему некоторые индивидуумы вдруг сгорают без следа, да так, что от них остаётся лишь прах, в то время как одежда практически не повреждается. Примеров история знает много, многое зафиксировано документально. Специалисты назвали этот процесс «холодной ядерной реакцией распада» – в отличие от холодного ядерного синтеза, а также «эгоаннигиляцией». Позже наши эксперты начали называть распад проще – эганом. Ну, вот, многолетние усилия теоретиков и практиков наконец привели к успеху. Мне только что продемонстрировали эган в действии.

– И? – подался вперёд премьер-министр.

– Впечатляет, – вновь показал свою специфическую улыбку-разрез Коржевский. – Процесс ещё требует доработки, тестирования, опытной эксплуатации, но он перспективен и эффектен. Нужны дополнительные ассигнования на эксперименты и разработку систем безопасности.

– Насчёт затрат не беспокойтесь, мы проведём финансирование через венчурные фонды АСИ¹. Но вы обещали довести эган до испытаний на...

– Добровольцах, – в третий раз улыбнулся гость. – Именно такой опыт и был проведён.

– И что... м-м, доброволец?

– Превратился в свет... почти полностью.

– Что значит – почти полностью?

– Наши специалисты пока не добились полной эгоаннигиляции клиента, но перспективы устранить этот недостаток хорошие. У нас же появилась возможность очищать социум от угро-

¹ АСИ – Агентство стратегических инициатив.

жающих ему ублюдков: убийц, террористов и... – Коржевский не торопясь допил морс, – и смутьянов. Возможно, в будущем можно будет это делать дистанционно.

Анатолий Дмитриевич подумал о президенте, представил, как глава государства превращается во вспышку света, мечтательно закрыл глаза.

– Немыслимые перспективы... однако надо будет подумать над подготовкой СМИ. Типа – плохие парни сгорают от злых мыслей... ну, или что-то вроде этого.

– Подготовим, нет проблем, – кивнул Коржевский. – Ручных журналистов у нас много. Развернём массированную атаку населения по ТВ и Сети, привлечём видных учёных, согласившихся объяснить причину сгорания тех или иных деятелей оппозиции дисбалансом энергетика добра и зла.

– Отличная идея! – восхитился Барсуков. – Главное, чтобы голосующий электорат поверил в эту ахирию.

– А что ему останется? – пожал плечами Коржевский. – Уже не раз мы ему скармливали полный бред, и ничего, никто особо не полез отстаивать справедливость. Верит же он в жизнь после смерти, в привидения, в инопланетян, в Бога и дьявола. Ещё пару ковшей лапши на уши – и он окончательно поверит в нашу доброту и праведность.

Премьер вытер вспотевшие ладони салфеткой, сделал строгое лицо.

– Надеюсь, о результатах экспериментов знаю только я?

– И коллектив лаборатории, – подтвердил Коржевский. – Но они не имеют права обсуждать свою работу с кем бы то ни было. Прецеденты были, и наши сотрудники прекрасно знают, чем они закончились.

– А Рыбников? – спросил Барсуков; речь шла о директоре ФСБ.

– На мой взгляд, он стар и не лезет в те епархии, в которых ничего не смыслит. Вы сами хотели иметь главой ЧК фигуру скорее уровня зиц-председателя, какими были, впрочем, и все прежние руководители КГБ и ЧК, не считая разве что Берии. Подсунув президенту, рассчитывающему получить силовую подушку, Рыбникова, он получил на самом деле руководителя, который мало что решает в своём ведомстве. Каждый начальник Управления, не считая замов, имеет свою тайную бухгалтерию и оперативную службу.

Барсуков рассмеялся.

– Я возьму это на заметку... когда стану президентом.

– Я вам помогу, – сказал Коржевский.

Их глаза встретились. Оба понимали, что имел в виду собеседник. Барсуков метил стать единоличным владыкой государства, Коржевский хотел занять кресло директора Службы.

Премьер встал, обошёл стол, подчёркнуто дружески протянул руку поднявшемуся заму директора.

– Что ж, Адольф Эмильевич, надеюсь на вас. Докладывайте мне о том, что у вас готовится. Как говорится, нас ждут великие дела.

Коржевский вышел.

Анатолий Дмитриевич глянул на часы, снова уселся за стол и полчаса гонялся на супертанке Т-140, преемнике знаменитого Т-14 «Армата», за танками противника, уничтожая их с детским олигофреническим наслаждением. В начале четвёртого вызвал секретаршу:

– Маша, приглашённые ждут?

– Все здесь, Анатолий Дмитриевич.

– Зовите.

В кабинет один за другим вошли два ключевых министра правительства: министр экономического развития Глюкаев и первый вице-премьер Дворковец, а также председатель Госбанка России Хабибуллина и советник президента Кудрис.

– Присаживайтесь, господа, – повёл рукой Анатолий Дмитриевич, не вставая с кресла. Повернул монитор – у него стоял последней модели NEC 220 OUX, – выводя на экран какие-то записи.

Гости расселись за столом, пристыкованном к столу Барсукова, раскрыли ноутбуки.

– Обсудим предложение Валентина Алексеевича, – продолжил Анатолий Дмитриевич. – Месяц назад в СМИ былброшен намёк на возможность дальнейшей приватизации крупных российских компаний, в том числе оборонных предприятий.

– Был большой шум, – усмехнулся Кудрис. – Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы доказать президенту необходимость этого шага в условиях нарастающего кризиса.

Одевался бывший министр финансов с подчёркнутым щегольством, будучи интеллигентом до мозга костей, и лишь галстуки завязывал неудачно, в отличие от самого Барсукова, да их цвет выбирал слишком яркий, кричащий, что говорило о скрытом желании выделиться в любой среде и любым способом. Возможно, именно это обстоятельство и помешало карьере бывшего финансиста, хотя нынешний президент почему-то приблизил его к себе и сделал советником.

– Вы сделали своё дело, Леонид Алексеевич, – благосклонно кивнул председатель правительства, – честь вам и хвала. Президент нам не помеха. Но кое-кто продолжает совать палки в колёса, устраивая разборки по ТВ наших решений и переманивая на свою сторону главредов газет.

– Председатель Народного Фронта, – хмыкнул Глюкаев.

– Коммунисты в Думе, – добавил никогда не улыбающийся Дворковец. – Особенно руководитель департамента экономической безопасности Фенер. Их надо окоротить.

– Скоро у нас появится неплохой инструмент для... – Анатолий Дмитриевич улыбнулся, – для окорота. Но пусть вас это не беспокоит. Валентин Алексеевич, вам слово.

Глюкаев уткнул широкое мясистое красноватое лицо в ноутбук.

У него были толстые губы, складки от картофелеобразного носа к губам и до раздвоенного подбородка, широкий, но низкий лоб, почти скрытый волосами, и маленькие водянистые глаза.

Об этом человеке ходила слава политика, умеющего в любой речи не сказать ничего. Его и прозвали за это «человек три шага: шаг вперёд, шаг назад, шаг в сторону». Сегодня он ответит на ваш вопрос утвердительно, завтра выскажет абсолютно противоположное мнение, послезавтра откажется от обоих. Ещё не было случая, чтобы он не ошибся в прогнозах финансового положения страны, с умным видом вещая чепуху на каждом заседании правительства.

Но именно такие министры и «специалисты» устраивали Анатолия Дмитриевича. Для него давно главным критерием успеха экономической политики являлось снижение уровня инфляции. И ему безразлично было, что ценой этому становилось чудовищное падение уровня жизни народа, ставшее целью ещё «прогрессоров» ельцинского режима, и низвержение в крошечную тьму безысходной нищеты миллионов простых людей: они не вписались в рынок, чего их жалеть? На кладбищах места ещё хватает.

Таковыми же «специалистами» реформирования экономики были и другие министры экономического блока правительства, по большей части идеологизированные западными концепциями и безграмотные в своей же епархии, успешно выполняющие волю системы, направленную на разрушение российского государства.

Глюкаев поднял глаза на премьера.

– Американцы присматриваются к нашим активам и готовы участвовать в приватизации. Я тесно общался с их бизнесменами, многие хотят купить пакеты акций Лукойла и Газпрома, но особенно их интересуют крупнейшие госкорпорации оборонки.

Барсуков встретил взгляд Кудриса, кивнул ему со знанием дела.

Оба отлично понимали, что должно было произойти в будущем после продажи за рубеж лакомых кусков российской экономики. Даже людям, далёким от экономических проблем, было ясно, что реализуется самый настоящий грабёж страны, так как в условиях продолжающегося кризиса активы можно продать только очень дёшево, за копейки. Но выигрыш западных «партнёров» при этом был велик, потому что речь шла о потере России, ни много ни мало, её суверенитета, а в перспективе – переход на внешнее управление, несмотря на сопротивление президента, чего и добивался могущественный либеральный клан государства.

Впрочем, господа правительственные чиновники не скрывали и своих личных интересов, подмяв под себя и средства массовой информации, и антикоррупционные институты, и частично силовые структуры. Что позволяло им во всеуслышание заявлять, как это сделал зампреда правительства Дворковец: «Россия должна платить за финансовую стабильность США!» Разумеется, во имя процветания населения России... и пополнения собственного кармана.

– В первую очередь, – продолжал Глюкаев, прозванный оппозиционными политиками ещё и «водолазом» – за поиски экономического дна кризиса, – их интересуют авиационные заводы: «Прогресс» в Куйбышеве, горьковский «Сокол» в Нижнем Новгороде, ОАО «Компания «Сухой», а также Приморский судостроительный завод «Алмаз» в Питере, научно-производственный концерн точного машиностроения «Витязь» в Коврове, ОАО «Балтийский завод», Пермский машиностроительный завод, концерн «Алмаз-Антей»... – Глюкаев пошевелил губами, снова поднял глаза на председателя правительства. – Всего в этом перечне тридцать два наименования.

Кудрис цокнул языком.

– Однако размахнулись, Валентин Алексеевич!

– Продавать так продавать, – флегматично пожал плечами министр. – Чего мелочиться.

– Хорошее решение, – просветлела лицом Хабибуллина, остроногая, широкоскулая, безгубая, с маленькими чёрными глазками и жидкими волосиками. – Сразу быка за рога, народу скоро есть будет нечего. Вряд ли Руслан Романович пропустит весь список (речь шла о президенте), но мы всё равно окажемся в выигрыше. Это позволит нам стабилизировать налоги на бизнес.

– Если только нас не обвинят в административном экстремизме, – усмехнулся Кудрис.

– Заявим, что всё делается ради укрепления национальной валюты.

– Главное в этом вопросе – оградить президента от понимания того, – сказал Анатолий Дмитриевич, – что ему давно следовало бы сделать: отделить спекулятивные деньги, – Барсуков вытер губы, – наши деньги от денег реального сектора. А это уже ваша задача, дорогой Леонид Алексеевич. Иначе мы не защитим глобальный бизнес от смуты.

– Мы справимся, – со снисходительной заносчивостью пообещал Кудрис, имея в виду себя и своих помощников. – Надо только прищемить хвост правдолюбам-думцам в лице Фенера и разных деятелей Народного Фронта. Они здорово мешают мне обрабатывать президента.

– Не переживайте, Леонид Алексеевич, в скором времени мы найдём на них управу. Придётся потратить кое-какие запасы из резервных фондов, но ведь с этим у нас нет проблем, Вера Сухозадовна? – Барсуков посмотрел на Хабибулину.

– Всё в наших руках, – подтвердила председатель Госбанка. – Любые расходы.

– Вы уже перевели транш американцам по трейдерису?

Имелось в виду предложение Глюкаева купить у американцев их «ценные» бумаги на сумму более тридцати миллиардов долларов. Все страны мира, начиная с Китая, давно начали требовать с американцев вернуть им средства, потраченные на покупку бумаг, но российское правительство упорно продолжало поддерживать экономику США, вместо того чтобы поддерживать свою.

– Да, половину всей суммы, – подтвердила Хабибуллина.

– Кстати, пора бы увеличить вознаграждение коллегам, – озабоченным голосом проговорил Дворковец. – Прошло уже полгода с момента прошлого повышения зарплат, коллеги начинают волноваться: министры живут хуже чиновников Кремля! Где это видано?

– Решим и эту назревшую проблему, – кивнул Анатолий Дмитриевич. – Действительно, непорядок, если наши министры получают меньше чиновников Кремля. Но всему своё время. Давайте обсудим список Шиндле... – Он замолк, выпятив губы, рассмеялся. – Прошу прощения, хороший фильм вспомнил. Обсудим предложение Валентина Алексеевича. У кого какие идеи? С чего начнём?

– С космоса, – предложил Дворковец. – Больше всего американцы хотят получить доступ к нашим военно-космическим технологиям. Почему бы не пойти им навстречу?

Кудрис бесшумно зааплодировал.

Информация к размышлению

Ресторан «Терпсихора», принадлежащий известному певцу Виталию Мариничу, открылся сравнительно недавно, год назад, но уже снискал себе славу одного из самых модных мест сбора московской богемы.

Здесь часто выступали известные российские и зарубежные исполнители шансона, актёры и танцевальные группы, а иногда пел и сам владелец, не утративший в свои пятьдесят пять лет ни голоса, ни обаяния. Обычно это случалось по просьбам присутствующих в конце недели, когда Маринич отдыхал в кругу друзей. Нынешним вечером он также собирался расслабиться в хорошей компании и спеть несколько песен в стиле ретро, что особенно ценилось женской половиной посетителей; Маринич трижды был женат, однако в настоящее время пребывал во «временной завязке с ограничением личной свободы».

Но выступление пришлось отложить, несмотря на обилие богемных посетителей. В девять часов вечера к Мариничу внезапно появились нежданные гости, которые посещали ресторан нечасто: Зимятов Николай Александрович, генерал-майор полиции, заместитель начальника ГУВД Москвы, Олег Фенер, депутат Государственной Думы, начальник департамента экономической безопасности, и два его приятеля, тоже депутаты Думы, Редкозуб и Ноздренко.

– Извини, что без предупреждения, – пожал руку Мариничу генерал, входя в его кабинет на втором этаже особняка, построенного ещё в девятнадцатом веке. – Со мной тут товарищи, поговорить надо. Мы могли бы и в «Тихом омуте» посидеть, да уж больно много там ушей разного калибра, да и «жучков» понатыкано как семечек в подсолнухе. А у тебя тихо.

Маринич удивился, но вслух ничего говорить не стал.

Поздоровался с гостями, повёл рукой в сторону уютного гостевого уголка кабинета с мягкими креслами и круглым стеклянным столиком.

– Присаживайтесь. Пить-есть заказать?

– Если только чай, – сказал толстый, большерукий, большеголовый, с покатыми плечами Фенер.

– И кофе, – попросил лысый, усатый и щербатый, в полном соответствии с фамилией, Редкозуб.

– Сейчас принесут. – Маринич заказал напитки, направился к двери. – Позовёте, если понадобится.

– Останься, – сказал чем-то сильно озабоченный, с усталым лицом, Зимятов. – Тебе тоже будет интересно послушать, мы тут не заговор антиправительственный собираемся обсуждать.

– Не люблю я чужие тайны.

– Эти тайны доступны всем пользователям Интернета.

Маринич послушно присоединился к компании.

Секретарша хозяина ресторана Надя принесла заказанное. Гости разобрали чашки с кофе, налили себя чаю, захрустели орешками и чипсами.

Маринич поколебался, но тоже взял эспрессо, чтобы не выделяться.

– Хотел бы поделиться с вами кое-какими соображениями, – заговорил мягким баритоном Фенер, хлебнув чаю, добавил в чашку ломтик лимона. – Уж очень тревожно на душе. Ни для кого не секрет, что правительство решило допустить к приватизации главных компаний

России иностранных агентов, в основном американских, следуя лозунгу: «за финансовую стабильность мировой системы, читай – Америки, надо платить».

Зимятов посмотрел на Маринича, на лице которого отразилось смущение.

– Что морщишься?

– Терпеть не могу политику! – признался Маринич.

– Ничего, послушай, полезно иногда узнать, чем дышит родная власть и страна в целом.

С певцами и актёрами об этом не поговоришь. Продолжай, Олег Илларионович.

Фенер допил чай.

– Если честно, самого колотит! Такого нет ни в одной стране мира – чтобы родное правительство было самой антигосударственной организацией! Его экономический блок, поддерживаемый верхушкой Союза бизнесменов и промышленников, открыто сулит крах стране и всё делает для этого!

– Так уж и всё? – усмехнулся Зимятов.

– Скажи, – посмотрел Фенер на депутата Ноздренко.

– Далеко ходить не надо, – спокойно сказал невысокий, с бледным лицом и мешками под глазами, депутат. – Промышленность дышит на ладан, и при этом тратятся безумные средства на заведомо мертворождённые проекты типа Сколково и Роснано. Их хозяева даже не скрывают, куда уходят деньги, ссылаясь на «венчурные риски». В то время как нашей экономике не хватает живых денег, правительство скупает американские так называемые «ценные» бумаги, вместо того чтобы пустить эти деньги на развитие промышленности и социалки. Для чего существует Дума – ни для кого не секрет: жить припеваючи, получать гигантские зарплаты, бонусы и откаты, воровать и принимать идиотические законы.

Маринич поднял брови, с любопытством разглядывая явно отражающую какой-то недуг физиономию гостя.

– Вы же сам депутат.

– Таких, как он, мало, – сказал Фенер. – Мы – за Россию, за народ, за державу сражаемся. Жаль, что решения нашего департамента чаще кладутся премьеру под сукно без всякого обсуждения. Верно, Борис Борисович?

Сорокалетний спутник Ноздренко наклонил голову так, что стала видна плешь на полчерепа.

– Не уважают.

– Слабо сказано, дружище, нас игнорируют, потому что мы даём правильные рецепты выхода из кризиса. Но врагов намного больше. Практически все СМИ кормятся за счёт забугорных грантов, то есть кого они поддерживают? Либеральную клику! Бессмертный банкирский кагал пустил новые корни, заменив Ходорковского, Березовского, Гусинского и Смоленского на их последователей. Вместо них выросли новые «патриоты», с выражением заботливого внимания планомерно уничтожающие ростки фермерских хозяйств и малого бизнеса.

Фенер налил себе ещё чаю, выпил.

– Извините, меня и в самом деле трясёт. Может, простыл? Володя, добавь.

– Нет нормального здравоохранения, нет образования, нет науки, социальной поддержки, – начал перечислять Ноздренко.

– На фоне роста цен на продукты питания и тарифов ЖКХ чиновники смело повышают себе зарплаты на сорок процентов! – подхватил Фенер. – Это вам как?! Всё делается для того, чтобы довести народ до нищеты, до крайней черты! Всё направлено на создание революционной ситуации и социального взрыва. Не так, Николай Александрович?

Зимятов, сделав всего один глоток кофе, поморщился.

– Не хватало на работе об этом говорить.

– Но вы согласны со мной?

– В стране нет единовластия...

– В точку! Приходится констатировать, что нами управляют кланы, в том числе самый могущественный – банкирский. Президент не справляется с ними. Вспомните, ещё Путин отступил, так и не добив кагал: бывший министр обороны так и не сел, его поделнице Васильевой вернули конфискованное! Проворовавшиеся губернаторы пересели в кресла министров, депутатов Госдумы и сенаторов. Явные преступники не только избегают наказания, в том числе прокуроры! – но и переназначаются на свои посты на очередной срок, да ещё с благодарностью «за работу»! Вспомните непотопляемого господина Чубайла, прямо заявившего, что утрата нескольких миллионов жителей страны нам не страшна, а его не только не засудили за это, но даже не пожурили за траты в его Роснано и оставили властвовать! А возвращение господина Кудриса в политику, да ещё советником президента?! Это же страшный национальный проигрыш! Он даже не маскируется, якшается с премьером, собирающимся занять кресло президента! Виданное ли дело, чтобы отставник предлагал президенту страны провести досрочные выборы?! В какой стране мира такое возможно?!

– Успокойтесь, Олег Илларионович, – угрюмо сказал Зимятов.

Фенер сделал глубокий вдох, расслабился.

– Извините... бешусь. Короче говоря, мы, по сути, на пороге гражданской войны и новой интервенции, в то время как правительство намерено продать за рубеж главные военные концерны. Надо как-то реагировать на это предательство, что-то делать. Поэтому я и пригласил вас поговорить на эту тему.

– Вы точно знаете?

– Что?

– О продаже?

Фенер кивнул на Редкозуба.

– Борис вхож в эту вшивую компанию, уже всё расписано, какие госкорпорации следует приватизировать в первую очередь. «ОАО «Сухой», ОАО «Балтийский завод», «Витязь» и так далее.

Маринич невольно покачал головой. Он был ошеломлён.

– Ничего себе размах!

– То ли ещё будет, – слабо улыбнулся Фенер, вытирая вспотевший лоб платком. – Нас всех, я имею в виду человечество, впереди ждут жуткие потрясения, а мы внутри страны не способны навести порядок.

– Ты о чём? Насчёт человечества?

– Грядут новые битвы за ресурсы, за воду, за воздух, в конце концов, климатические войны, нанотехнологические и прочие. Этническое оружие на подходе, американцы давно испытывают его в Африке, всеобщее вырождение, в конце концов.

– Фантастика, – отмахнулся Зимятов.

– Отнюдь. Вы знаете, что, по расчётам учёных, за последние семьдесят лет количество половых клеток у мужчин сократилось в три раза? И это не местное явление – глобальное. Теряют качество и мужские хромосомы. Через полсотни лет мы вообще перестанем размножаться обычным способом, только с помощью врача или «из пробирки».

– Это правда, я общался с одним приятелем-биологом, – подтвердил Маринич. – Все инновации в химии, пищевой промышленности, фармакологии, косметике ведут к ликвидации андрогенов.

– Чего? – поднял голову Редкозуб.

– Мужских гормонов.

– А-а...

– Плюс диоксины, фталаты, соя, пиво...

– Ага, то-то ты не отказался от продажи пива в своём ресторане, – проворчал Зимятов.

Маринич смутился.

– Попробуй откажи кому-нибудь из посетителей в алкоголе. Хотя я пиво не рекламирую. Зимятов посмотрел на Фенера.

– Вы считаете, дело настолько серьёзно?

– Размножение меня мало волнует...

– Я имею в виду правительство.

– Более чем серьёзно, Николай Александрович! Речь идёт не просто об удушении экономики и превращении России в рай для спекулянтов всех мастей, цель поставлена масштабнее: развал страны и подчинение её внешнему хозяину! Для этого уже нанесены четыре нокаутирующих удара: преступное эмбарго, конкретно подстроенное под передел рынка присосавшимися к компаниям госчиновниками, запретительные ставки кредитования, убивающие промышленность, налог Ротенберга – запуск системы «Платон», прекрасный в своей логике, закрытие заводов и мелких предприятий.

– Надо сообщить об этом президенту, – простодушно заметил Маринич.

– После того как советником президента был назначен Кудрис, доступ к нему стал невозможен. Его старательно ограждают от понимания того факта, что диалог бизнеса и власти происходит в последние годы как диалог мясника с коровой.

Зимятов покачал головой.

– Вы прирождённый оратор, Олег Илларионович, очень образно говорите.

– Толку с того, – сокрушённо развёл руками Фенер. – Я не имею прямого контакта с президентом.

– Мне будут нужны ваши выкладки и записи. Надеюсь, вы всё записали?

– Разумеется. – Фенер покопался в пиджаке, подал генералу флэшку.

Зимятов спрятал её в карман.

– Покажу кому следует.

– Только не Коржевскому.

– В смысле?

– Заместитель директора ФСБ... мм-м, как бы это помягче сказать...

Редкозуб перестал пить кофе, бросил на Фенера странный взгляд.

– Он вам не нравится?

– Коржевский – человек премьера, а это уже плохая характеристика.

– Нет, я с Коржевским не знаком, – сказал Зимятов.

– Что ж, спасибо, что выслушали. – Фенер посмотрел на задумчивого хозяина ресторана. – И ты извини, дружище, за мой скорбный плач. В Госдуме всё схвачено врагами государства, наши предложения никто... впрочем, я уже повторяюсь, а время идёт. Одна надежда на Николая Александровича.

Зимятов поднялся.

– Мне пора, Виталий, остались кое-какие нерешённые проблемы.

Маринич тоже встал.

– А я хотел предложить тебе послушать пару песен.

– В другой раз, не до песен сегодня.

Выходя из кабинета, генерал понизил голос:

– Советую усилить охрану, Мартыныч. Ты своему начальнику охраны доверяешь?

– До сих пор нареканий не было.

– Предупреди его на всякий случай: могут быть инциденты. И звони, ежели что случится или заметишь подозрительное движение.

– Какое движение? – не понял Маринич. – У меня перебивали чуть ли не все мэрские чиновники.

– Не нравится мне кое-кто из нынешних гостей... не буду называть фамилии. Ну, бывай.

Зимятов пожал руку Мариничу и сбежал по лестнице вниз.

Виталий Мартынович проводил его озадаченным взглядом, соображая, кто именно из компании Фенера не понравился генералу, и вернулся в кабинет.

Событие

Михаилу Потапову исполнилось ровно тридцать лет.

Ростом и фигурой бог его не обидел, и выглядел он убедительно, имея косую сажень в плечах и приличную мускулатуру. Хотя при весе в девяносто два килограмма был исключительно подвижен и быстр.

Работал Потапов в оперативной бригаде Управления антитеррора Федеральной службы безопасности под командованием полковника Щербатова. Служил в армии, в десантных войсках, окончил юрфак МГУ, с малых лет занимался рукопашным боем, много читал (в наследство от деда ему досталась великолепная библиотека количеством в тринадцать тысяч книг), увлекался историей Древней Руси и даже женился – в двадцать один год, но прожил с молодой женой всего четыре месяца, после чего она погибла – утонула при невыясненных обстоятельствах в Киргизии, на озере Иссык-Куль, куда поехала отдыхать с подругами. Потапов тогда сдавал летнюю сессию и поехать с женой отдыхать не смог. С тех пор жил один, лишь изредка позволяя себе короткие знакомства и расставания без сожалений. Второй такой женщины, как Дарья, он пока не встретил. Да и работа не давала ему достаточно личной свободы и времени на увлечения.

В эту субботу, свободный от дежурств и занятий на базе в подмосковном Новогорске, он решил объездить книжные магазины Москвы, ещё сохранившие букинистические отделы, и поискать чего-нибудь «новенького из старенького».

Начал с магазина «Москва» на Тверской, в подвале которого располагался самый дорогой в столице, но самый посещаемый из всех букинистический развал. Машину – он ездил на трёхлетней давности «Ягуаре ХХХ» – поставил в Козицком переулке, с полчаса изучал вертящиеся полки с книгами серии «рамочка», купил «Первые люди на Луне» Уэллса издания тысяча девятьсот двадцать седьмого года и поехал на Арбат. Сначала на Новый, прошёлся по двум этажам Московского дома книги, потом с трудом припарковался на другой стороне проспекта, в Арбатском переулке, прогулялся по Арбату с его знаменитыми книжными развалами и посетил не менее знаменитую Книжную лавку, владельцем которой был старый приятель отца Кусневич.

Старик стоял за прилавком, разглядывая старую подшивку журналов «Нива». Увидев Потапова, он обрадовался:

– О-о, Миша, сколько лет, сколько зим! А я вот кукую тут один, убытки подсчитываю.

– Так уж и убытки, – улыбнулся Потапов, пожимая худую, в старческих пятнах, вялую руку книжника. – Вряд ли вы держались бы за лавочку, приноси она одни убытки. Хотя посетителей действительно маловато.

– Не то слово, Миша, не то слово! Ты сегодня первый, с утра никого, молодёжь вообще перестала захаживать, всё больше ровесники революции да библиофилы вроде тебя. А убытки... не поверишь, хорошо покупают только классику, в основном собрания сочинений дореволюционных изданий, не обращая внимания на крутые цены, а приключения и фантастику совсем не берут. Вот, «Ниву» за тысяча девятьсот семнадцатый не хочешь?

– Не моё, – улыбнулся Потапов. – Мне бы первые «Вокруг света» конца позапрошлого века да кое-что из «Миров приключений» начала двадцатого.

– Фантастику возьми – советскую, Михайлова или Головача, классно писали мастера, даже сейчас интересно читать. Не то что современный бред всяких Пеховых да Пелевиных, читать противно.

– Так не читайте.

– Да я и не читаю, совсем глаза сдали. Взял недавно в руки роман известного по сотне премий Серджа Лукоеденко «Январский дозор», дошёл до «стражей переулка», плюнул и выбросил в мусор.

– Говорят, у него первые книги хороши были.

– Ну, может, и были, дал бог лёгкую руку, а потом постарел парень, получил хороший бонус в виде фильма по первым произведениям, стал состоятельным, заматерел, вот творческий потенциал и потерял. Сейчас, к слову сказать, все медийные лица в рекламу подались да сценарии строчат, за них больше платят. Литература стала абсолютно коммерческой, впрочем, как и большинство творческих школ. Всё Интернет проклятый убил!

– Не согласен, не всё.

– Да ладно, – сморщился худенький, лохматый, седенький, ростом с пятиклассника, Кусневич. – С появлением этого кошмарного чудовища произошло резкое падение уровня интеллекта читателей, особенно молодых. А падение уровня образования только усугубило процесс. Будете возражать?

– Не буду, – сказал Потапов. – Сейчас о падении уровня образования и медицины не говорят только ленивые, а воз российской культуры и ныне там – в хвосте мировой.

Кусневич наклонил голову к плечу, выставляя заросшее седым волосом ухо.

– Кто это так некрасиво выразился?

– Не я, – засмеялся Потапов, – по-моему, хозяйчик «Эха Москвы», хотя не уверен.

– За всю культуру расписываться не стану, но образование мы точно уронили. А ваш хозяйчик «Эха Москвы» – араб.

– Кто? – удивился Потапов. – Венедиктов? Он же еврей.

– Образно говоря, он как араб готов воткнуть нож в спину президента. Кто-то говорил, кажется, Ладлэм²: имея дело с арабом, никогда не знаешь, кто этот человек и кому он перережет глотку, если представится такая возможность.

– Соглашусь, – кивнул Потапов. – В России таких деятелей развелось как бактерий, что в правительстве, что в оппозиции. Но не будем о грустном, Роман Моисеевич, обрадуете чем-нибудь?

– Разве что Жюлем Верном.

– У меня двенадцатитомное собрание сочинений стоит.

– Это «20 000 лье под водой» издательства Маркса, со множеством иллюстраций Риу, почти коллекционной сохранности.

– Класс! – обрадовался Потапов. – Возьму. Дорого? Кризис на дворе.

Кусневич заперхал; так он смеялся.

– Нам никакие кризисы не страшны. Прочитал вчера в «Комсомолке», что государство трогательно переживает о народе в период кризиса и строит федеральным чиновникам восемь жилых домов общей площадью более двухсот тысяч квадратных метров в районе Кунцева. Строительство обойдётся казне в пятнадцать миллиардов рублей. Не хватает им жилья, бедным, слишком быстро растёт число очередников на улучшение жилплощади, никто не хочет селиться в «обычных» трёхкомнатных квартирах. А ты – кризис...

– По привычке, – поскрёб в затылке Потапов. – В принципе политикой я не интересуюсь, но она сама лезет к нам изо всех щелей. Показывайте свой раритет.

² Роберт Ладлэм – американский писатель (1927 г.), автор многих бестселлеров.

Кусневич скрылся в подсобке и вынес роскошно изданный, со множеством иллюстраций роман Жюль Верна.

Потапов благоговейно взял книгу в руки, оценил сохранность, полистал осторожно.

– Отлично умели издавать в конце девятнадцатого века! Прямо-таки художественная ценность! Сколько с меня возьмёте?

– Пять зелёных, – сказал продавец со вздохом. – Как сыну старого друга.

– Почти даром, – улыбнулся Потапов. Фразу: «Книга дорогая, но для вас отдаю почти задаром», – ему говорил каждый книжник на всех развалах, где его знали, но это вовсе не означало, что цена книги действительно становилась меньше.

– Мне она досталась практически в эту же сумму, – виновато сморщился старик.

– Не переживайте, Роман Моисеевич, я возьму. – Денег действительно было не жалко. – Спасибо за подарок. Заверните.

Побродив у книжных полок ещё несколько минут, Потапов распрощался с продавцом и вышел на Арбат, обретший недавно окончательный «исторический» облик, отражавший историю Москвы на протяжении трёх столетий и превращённый в красивую и уютную пешеходную зону.

Вымощена улица была цветными керамическими плитами, в ночное время её освещали узорчатые фонари под старину, а десятки кафешек, магазинчиков и лавочек гостеприимно открывали двери, приглашая посетителей, жителей города и гостей, отдохнуть от летней духоты и повседневной суеты.

Каково же было удивление Потапова, когда он, уже подходя к двухэтажному дому Пушкина, покрашенному в голубой цвет, увидел посреди улицы медленно движущийся автомобиль – чёрный БМВ с «говорящим номером» АМР 77. Не обращая внимания на пешеходов, автомобиль посигналил, чего здесь не позволяли делать никому, остановился почти напротив дома Пушкина.

Из машины выбрался смуглолицый, черноволосый, хорошо одетый господин в чёрном костюме, что-то сказал водителю и скрылся за углом здания напротив.

На машину обратили внимание пешеходы. К ней подошла какая-то молодая женщина-блондинка с водопадом льняных волос, возмущённо заговорила с водителем, молодым, хамоватого вида, с жемчужиной пирсинга на губе.

Заинтересованный Потапов подошёл ближе, услышал ответ парня:

– Не твоё собачье дело!

– Что вы себе позволяете?! – возмутилась блондинка. – Здесь нельзя ездить!

– Мне можно, – осклабился водитель.

– Это просто хамство! Я полицию позову! Немедленно уезжайте отсюда!

– Зови кого хочешь, хоть мэра, – хохотнул парень, – курица недорезанная. Тебе же и достанется.

Женщина захлопала глазами в замешательстве, ища сочувствия у начавших собираться прогуливающих людей, потом достала мобильный и начала фотографировать автомобиль и его номер.

– Ах ты падла мокрогубая! – возбудился водитель, выскакивая из кабины. – А ну, сотри, что сфоткала! Кому говорю?! Отдай мобилу!

Он начал отнимать у женщины телефон.

Среди собравшихся вокруг гуляющих послышался ропот, хотя на помощь не решился никто.

– Охамел совсем?! Прекрати, пацан! Не трогай девчонку!

Из-за угла здания вышел пассажир крутого авто, оценил ситуацию, кинулся на помощь водителю.

Ситуация перестала нравиться Потапову окончательно. Он заметил двух полицейских, наблюдающих за происходящим в переулке, явно не спешащих разобраться в инциденте, поколебался, решая, стоит ли вмешиваться, но господин в чёрном вдруг ударил женщину по лицу, и сомнения исчезли.

Всё было настолько хорошо, вспомнил Потапов чьё-то изречение, что не могло не закончиться плохо.

Подходя к компании, он рывком оттолкнул водителя от женщины, защищавшей свой мобильник.

Господин в чёрном в этот момент ударил её снова.

Пришлось ловить его на приём и укладывать лицом на плиты тротуара, не жалея ни костюма, ни физиономии.

– Успокойся, храбрец! – Потапов сунул пакет с книгой какому-то старичку в шляпеканотье, посмотрел на женщину, на щеке которой отпечатался след ладони мужчины. – С вами всё в порядке?

На глаза женщины навернулись слёзы.

– Спасибо, зубы не выбили, – торопливо сказала она.

Потапов оглядел толпу.

– Кто-нибудь успел снять, как они её били?

– А как же, – заявил толстяк в шортах и ковбойской шляпе, показывая телефон, – в лучшем виде.

– Пригодится для освидетельствования.

– Выложу в Сеть обязательно!

– Ах ты, курва! – опомнился водитель, оставляя женщину и бросаясь на него. – Ты знаешь, на кого?!

– Женщин бьют только обкурившиеся идиоты и нелюди, – сказал Потапов, перехватывая руку парня и отвечая ударом в лоб, от которого водитель перекувыркнулся через голову и улетел под машину.

– Я... тебя... живьём... – прохрипел брюнет в чёрном.

Потапов прижал его лицом к тротуару, обыскал, вытащил паспорт, прочитал вслух:

– Эраст Хаматович Матаев, прошу любить и жаловать. К тому же москвич, судя по регистрации. Интересно, не депутат ли?

– Я его знаю, – сказал толстяк в шляпе и шортах. – У него тут фирма «Военкомплект».

Потапов присвистнул.

– Фирма, говорите? А ведёт он себя как обычный гопстопник.

Сквозь собравшуюся толпу протиснулись полицейские; оба лейтенанты, в летних серобелых мундирах.

– Эй, гражданин, отпусти его, – хмуро потребовал высокий, скуластый, с обветренным лицом.

– Они мало того что заехали туда, куда не положено, так ещё и напали на девчонку, – сказал толстяк.

Высокий взялся за кобуру пистолета.

– Отпустите, вам говорю! Немедленно!

Потапов посмотрел на него снизу вверх, отмечая характерные черты блюстителя порядка: квадратную челюсть, прямые жёсткие губы, шелушащиеся скулы, холодные рыбы глаза со зрачками-точками.

– Задержите их. Этот господин, даже будучи владельцем фирмы, не имеет права на проезд по Арбату. Закон един для всех. Кроме того, они с водилой напали на женщину, вон сколько свидетелей.

– Разберёмся, – сипло сказал второй полицейский, пониже ростом, брюнет с круглым бабьим лицом и медовыми глазами.

Потапов отпустил господина в чёрном, подал первому лейтенанту паспорт.

– Его ксива. Опросите свидетелей да отправьте обоих в обезьянник.

– Ваши документы! – сжал губы в прямую линию полицейский.

Потапов вежливо улыбнулся.

– В таком случае представьтесь.

– Документы, я сказал!

– Да-да, задержи этого бандита, лейтенант! – взорвался владелец фирмы «Военком-плект». – Он первым начал, грозился убить!

– Врёт, черножопый! – крикнул толстяк, обращаясь к растущей толпе. – Все видели, как он первым напал на девчонку! Я записал!

– И я, и я, – слышались голоса.

– Фамилия, подразделение, будьте добры, – всё так же вежливо попросил Потапов. – Или вызывать ещё один наряд?

Полицейские переглянулись.

– Рощин, отведи его в курятник, – высокий показал на Потапова. – Граждане, всем разойтись! Мы разберёмся... э-э, с нарушителями. А ты, – палец лейтенанта упёрся в помятого, выбравшегося из-под БМВ водителя, – отведи тачку в переулок. Живо!

Водитель юркнул в кабину лимузина.

– Идём! – вытащил свой пистолет низкорослый полицейский с бабьим лицом, глянув на Потапова.

– Я?! – удивился Потапов. – Вы что, с ума сошли?! Здесь два десятка свидетелей! Интернет взорвётся, если они все выложат в Сеть записи! Хотите скандала? Будет!

– Веди, – пренебрежительно скомандовал высокий, будто не расслышав сказанного.

Низкорослый шагнул к Потапову.

Толпа зашумела. Толстяк поднял мобильный, начал снимать.

Высокий ловко отнял у него телефон.

– Первый раз такое вижу! – изумлённо прошептала потерпевшая.

– Я тоже, – признался Потапов. – Но я вежлив, политкорректен и толерантен только до того предела, за которым начинается беззаконие!

Пистолет воробьём вылетел из руки полицейского.

Потапов поймал его, уткнул ствол в живот высокому.

– Отойдём-ка, малыш!

Глаза полицейского сузились, рука поползла к кобуре, остановилась в нерешительности. До его сознания дошло, что происходит нечто нештатное, не предусмотренное опытом.

– Т-ты совсем?..

– Отойдём, я тебе кое-что объясню. – Потапов обернулся к примолкшей толпе. – Граждане, снимайте всё, что здесь происходит. Правда на нашей стороне. И не дайте этим деятелям на машине смыться, я сейчас вызову спецназ.

Вытолкав полицейского к стене дома, Потапов достал свое удостоверение офицера ФСБ, развернул.

– Читай!

Глаза лейтенанта стали круглыми.

– Майор Пота...

– Достань свой документик.

Высокий протянул синюю книжечку.

– Лейтенант Золотько, Центральный ОВД, – прочитал Потапов вслух. – Очень неприятно знакомиться в такой ситуации, но ты сам напросился. Давай договоримся: вы делаете своё

профессиональное дело – по закону, я не поднимаю шум, если же вы намереваетесь замять дело и отпустить этого козла, я вызываю ОМОН, у меня есть такое право. Что выбираешь?

Полицейский взмок.

– Это... известный... деятель... бывший зам мэра...

– Я уже понял, у него здесь всё прикормлено, в том числе ваши услуги, не так ли?

– Я подчиняюсь...

– Начальству, которое лижет задницы таким, как этот Матаев.

– Я должен...

– Вот и делай, что должен, лейтенант. Мне недосуг тратить полдня на объяснения и процедуры, свидетелей у вас будет больше чем достаточно. Но если ты их отпустишь, – Потапов заглянул в удостоверение, – Евгений Семенович Золотко, дело закончится для тебя очень плохо, обещаю! Так как?

– Мы... сделаем... мне надо позвонить.

– Звони. – Потапов вернул лейтенанту удостоверение и пистолет напарника, вернулся к толпе переговаривающихся людей.

– Друзья, очень прошу всех свидетелей поучаствовать в составлении протокола. Записи обязательно надо выложить в Интернет. А вам, гражданка, – он посмотрел на потерпевшую, – советую вызвать медбригаду, засвидетельствовать побои и написать жалобу в прокуратуру.

– Я помогу, – поднял руку толстяк.

– Приступайте, – сказал Потапов полицейским, ошеломлённым таким поворотом дела.

Уже садясь в машину, он вдруг вспомнил, что купил книгу. С досадой ударил себя по колену.

– Вот зараза! Жюль Верн мне этого не простит!

Кто-то деликатно постучал в стекло водительской дверцы.

Потапов с удивлением узнал в стучащем старичка в очках и канотье, которому он сунул томик Верна.

– Ваша книга, – протянул свёрток старичок. – Еле вас догнал.

– Спасибо! – растроганно взял книгу Потапов. – А я уж расстроился, думал – с концами.

– Раритет, – осклабился старичок. – Собираете?

– Да вот иногда приобретаю по случаю, пополняю дедушкину библиотеку, хотя она и так солидная.

– В наши дни библиотека редкость. Всего хорошего. – Старичок приподнял шляпу и отошёл от машины.

Настроение слегка поднялось. Сожалеющая мысль, что он зря вмешался в инцидент на Арбате, при категоричном недопущении участия в подобных инцидентах и запрете выделяться из массы людей в общественных местах отступила в подсознание. Урок полицейские получили хороший, они не должны были спустить дело на тормозах.

Предпосылки к действию

Дочь позвонила за минуту до второго завтрака: Калажников неукоснительно придерживался распорядка дня, веря тезису, что есть надо понемногу, но часто.

Первый завтрак, «энергетический», – кофе с бутербродом, он начинал ровно в восемь часов утра. Второй – в двенадцать часов дня. Обедал в два, полдничал в пять и ужинал ровно в восемь вечера. Поэтому в свои пятьдесят пять выглядел он на сорок, чем был весьма доволен, так как привык к женскому поклонению с юности.

– Отец, мне мешают твои клеветы, – сказала Дарья; она никогда не называла его папой, только отцом. – Отзови на сегодня.

– Снова ты за своё, – с досадой сказал Николай Наумович. – Это для твоей же безопасности.

Речь шла о телохранителях дочери, сопровождавших её на все мероприятия, на работу и с работы, и в том числе – если она ехала к подругам или с подругами куда-нибудь отдыхать. Два года назад Калажникова начал охранять батальон «Аргус» частной военной организации «Прикрытие», контролируемой администрацией премьер-министра, и он договорился с командованием батальона о сопровождении дочери.

– Куда ты собралась?

– Это моё дело, – строптиво отрезала Дарья. – Мне нужно побыть одной.

– Ох, не верю.

– Увижу кого-нибудь из твоих горилл – сбегу из Москвы, так и знай!

– Хорошо, не бесись, никто тебя не потревожит, обещаю.

– Я предупредила! – Дочь выключила телефон.

Калажников сплюнул в сердцах, уязвлённый непокорностью дочери, пробормотал вслух:

– Стерва, вся в мать! Та тоже отличалась свободолобивостью... пока не умерла от передозировки.

На столе мигнул селектор.

– Слушаю, – отвлёкся заведующий лабораторией от своих мыслей.

– Николай Наумович, Редкозуб беспокоит, – проблеял селектор. – Есть важные новости.

– Говорите.

– Желательно не по телефону.

Встретаться с депутатом, от которого всегда исходил неприятный запах, будто он вообще не мылся, не хотелось.

– У меня защищённая линия.

– Фенер встречался с Зимятовым в ресторане Маринича.

– Фенер?

– Мой босс, начальник комитета экономической безопасности.

– А-а...

– Он встречался с Зимятовым, генералом полиции, говорили о нашем благодетеле...

– Не понял.

– Ну, о Барсукове... готовится какая-то проверка, насколько я понял, генерал стукнет в Следственный комитет или в Счётную палату, а не дай бог ещё и ОНФ... речь шла о готовящейся приватизации оборонки.

– Пусть стучит, у Анатолия Дмитриевича всё схвачено в силовых структурах, генеральный прокурор его дружан.

– Но могут всплыть и наши фамилии. Фамилия Коржевского уже прозвучала.

Калажников нахмурился, потёр лоб.

– Откуда вам это известно?

В динамике слышался блеющий смешок.

– Фенер считает меня своим другом.

Николай Наумович представил рыхлое лицо Редкозуба со щёткой усов, с мешками под глазами, его котлообразную голову с плешью на макушке, и ему стало противно.

– Вы не преувеличиваете... его дружелюбие?

Редкозуб выдавил ещё один смешок.

– Я мало говорю, зато всё слышу. Иначе он не брал бы меня в компанию вместе с Ноздренко.

– Кто это?

– Коллега, тоже депутат, метит на место Фенера.

– А вы не метите?

– На всё воля божья, – Редкозуб снова хихикнул, – и премьера.

– Кто ещё был на встрече?

– Нас трое, Зимятов и сам Маринич.

– Это певец, что ли?

– С эстрады он практически ушёл, поёт в своём ресторане иногда, в политику не лезет, но с Зимятовым якшается, на «ты» с ним, они друзья с детства.

– Хорошо, я поговорю с... кем надо, позванивайте и держите язык за зубами.

– А то.

Калажников выключил связь, побарабанил пальцами по столу, косясь на экран компьютера, вызвал секретаршу:

– Маша, найди мне Каштелянца.

– Минуточку, Николай Наумович, – ответила секретарша.

Калажников набрал номер Свирина, командира батальона «Аргус»:

– Булат Ахметович, пошли сегодня за Дашей самых опытных ребят, чтобы она их не заметила.

– Сделаем, Николай Наумович, – сказал Свирин с горловыми интонациями.

– Самые опытных, подчёркиваю. Если она устроит мне скандал, я сделаю выводы.

– Не беспокойтесь, Николай Наумович, не подведу.

Через минуту позвонил помощник:

– Я весь внимание, Николай Наумович.

– Зайди.

– Иду.

Кирсан Вольфович появился с планшетом в руке.

– Захватил отчёт на всякий случай.

– Садись, есть новости.

Каштелянец сел.

Калажников рассказал ему о звонке Редкозуба.

– Что думаешь?

– Будет скандал.

– И я так считаю.

– Надо предупредить Эмильевича.

– Если Зимятов доберётся до президента, наши... э-э, исследования накроются медным тазом.

– Пусть Эмильевич примет меры, в конце концов, он заинтересован в результате не меньше нас.

– Это нелегко сделать.

– Мы поможем.

Калажников с интересом посмотрел на Каштелянца.

– Каким образом?

– Нам всё равно надо доводить эган до кондиции, нужны добровольцы...

– Старая лиса... Добровольцы! Иными словами, ты предлагаешь продолжить испытания на...

– Тех, кто мешает.

Калажников покачал головой, продолжая изучать широкое, одутловатое, вечно флегматичное лицо собеседника.

– Не слишком ли кардинальное решение?

– Мы подготовили новую программу закладок, эган должен развиваться быстрее и практически не оставлять следов.

– Сначала надо проверить на... кроликах.

– У нас их трое.

– На всё у тебя есть ответ, Вольфович. Однако без оперативной помощи не обойтись. А привлечь контингент Эмильевича не хотелось бы.

– У нас есть «Аргус», там тоже служат опытные кадры.

– Да уж, кое-кто из них действительно получил хороший опыт... в добровольческих батальонах украинских националистов, в Ираке и в Сирии... хм... на стороне ИГИЛ. Но почему бы и нет? Я поговорю со Свириным. На ком предлагаешь испытать новый эган?

– Вы сами их перечислили: Зимятов, Ноздренко, Фенер... и этот их певучий рестораник...

– Маринич.

Каштелянец мигнул, не меняя выражения лица.

– Готовить?

Калажников по привычке побарабанил пальцами по столу.

– Давай всё же сначала прогоним программу на «кролике». Если эксперимент пройдет удачно, рассчитаешь испытание на других... добровольцах. Иди, готовься.

Каштелянец послушно вскочил.

Событие

На этого молодого человека в безукоризненном темно-синем костюме обратили внимание многие посетители ресторана «Терпсихора».

Молодой человек пришёл один, в начале восьмого вечера, когда завсегдатаи ресторана ещё только начинали подтягиваться к началу ежевечерней программы. Нынче афиша обещала выступление джазового квартета «И мы тоже».

Посетитель «Терпсихоры» в синем костюме занял столик в хрустальном гроте, поближе к оркестровой раковине, где любил сидеть хозяин ресторана, заказал минеральную воду и стал ждать, разглядывая постепенно заполняющую зал публику. Он был довольно симпатичен, высок, много курил и явно нервничал, то и дело бросая взгляд на часы. К десяти часам вечера его нетерпение достигло апогея, хотя глаза оставались тёмными, полусонными, если не сказать – мёртвыми, но волнение выдавали руки, ни на секунду не остающиеся в покое. Молодой человек барабанил пальцами по столу, переключал из кармана в карман зажигалку, расчёску, бумажник, платок, разглаживал скатерть на столе, поправлял галстук, стряхивал с костюма несуществующие пылинки, пил воду и в конце концов обратил на себя внимание официанта.

– Что-нибудь не так? – подошёл к нему распорядитель ресторана. – Вы кого-то ждёте, молодой человек?

Гость посмотрел на часы, допил воду, сказал отрывисто:

– Ещё бутылку воды, пожалуйста. Скажите, а Виталий Мартынович скоро начнёт выступление?

Распорядитель покачал головой.

– Сегодня он, к сожалению, выступать не будет, плохо себя чувствует. Так вы его ждёте?

– Н-нет, – глухо ответил молодой человек, стекленея глазами. – Где его... можно найти? Мне с ним надо... поговорить...

– Что с вами? – обеспокоился пожилой мужчина в белом. – Вы побледнели. Вам плохо? Может быть, вызвать врача?

– Мне надо... встретиться с Виталием Мартыновичем Мариничем... немедленно...

– Ничем не могу помочь. – Распорядитель пошевелил пальцем, подзывая секьюрити ресторана в строгом чёрном костюме. – Посодействуйте молодому человеку дойти до машины.

– Вы меня обманываете. Виталий Мартынович должен сегодня... быть здесь... меня предупредили...

– Он заболел, – терпеливо повторил распорядитель ресторана, хмурясь. – Кто вас предупредил, что он должен выступать?

– Он всегда... в десять часов...

Распорядитель кивнул, отходя от столика.

Двое плотных парней в чёрных костюмах и бабочках подхватили парня под руки и повели из зала, но не на улицу, а через служебный коридор на второй этаж здания, где у Маринича был кабинет и где располагались хозяйственные службы ресторана. В комнате охраны парни усадили молодого человека, порывающегося сопротивляться, на стул, и начальник охраны подошёл к нему вплотную.

– Обыскали?

– Так точно, Сергей Петрович, чист. Даже ножа нет.

– Зачем ты хочешь встретиться с Мариничем?

- Мне надо... это очень важно... его хотят...
- Ну?
- Его хотят... убить!
- Кто?
- Это я скажу ему... лично...
- Говори здесь, мы передадим.

Настенные часы в комнате тихо зазвонили, стрелки показали десять часов. В то же мгновение молодой человек вскочил, ударом ноги свалил начальника охраны, парня слева просто отшвырнул на пульт монитора телеконтроля, обнаружив недюжинную силу, сбил с ног второго охранника и выбежал в коридор. Секьюрити подхватились с пола, бросились за ним, и тотчас же раздался взрыв.

Начальник охраны, встававший на четвереньки, успел заметить в открытую дверь, как тело беглеца вспыхнуло фиолетово-сиреневым светом и разлетелось струями огня во все стороны. Однако ударная волна оказалась почему-то слабой, она даже не разрушила стены коридора, только опалила их и дверь в кабинет хозяина ресторана. Но Маринич не пострадал. Он действительно чувствовал себя неважно и спускаться в зал не хотел, просто намеревался посидеть в кабинете с друзьями и предложить им, как он любил говорить, «продукты от кутюр».

Взрыва, по сути, не было, вспышка света разнесла только тело молодого парня, посетители ресторана не заметили ничего, да и вспышку видели только охранники и пробежавший мимо официант. Все четыре охранника, дежурившие в тот злополучный вечер в спецкомнате контроля, уцелели, в том числе начальник службы секьюрити, который и рассказал прибывшим бойцам спецподразделения о взорвавшем себя самоубийце, от которого остались лишь штиблеты, пуговицы да клочья костюма.

Угроза

Весил Олег Илларионович Фенер сто десять килограммов и до сорокапятилетнего возраста не переживал по этому поводу, нередко потягивая пиво дома по вечерам, после работы; окончив томский строительный институт, он почти двадцать лет проработал в «Дорстрое», пока не перешёл в департамент строительства при мэрии Томска. Но в сорок шесть его избрали депутатом областной Думы, затем Государственной в Москве, он переехал в столицу, да там и остался, поскольку на втором сроке его избрали руководителем комитета экономической безопасности Думы. С тех пор он перестал употреблять пиво и вообще алкоголь и начал следить за собой, регулярно совершая пробежки по берегу реки Москвы (жил он на Николоямской набережной, недалеко от Андроньевской площади), по утрам и вечерам, что не сильно влияло на снижение веса, но позволяло поддерживать тонус организма.

Однако в воскресенье двадцать первого августа вечернюю прогулку пришлось отложить: позвонил секретарь самого премьер-министра и попросил подъехать к Барсукову в Горки. Обещал прислать машину.

– Спасибо, я доберусь сам, – отказался Фенер.

Поразмыслив, зачем он понадобился председателю правительства в столь поздний час, депутат вызвал такси (на своей машине ехать показалось чересчур вызывающе), предупредил жену об отъезде и уехал. В начале двенадцатого он подошёл к проходной резиденции премьер-министра в Горках-9.

Звонить в дверь проходной не пришлось, она открылась сама, как только Олег Илларионович подошёл к крылечку.

– Прошу вас, – отступил в сторону рослый светловолосый парень в серой униформе, с виду ничем не вооружённый. – Садитесь в таратайку.

Фенера усадили в маленький белый электромобильчик, подвезли к строению номер два, а не к центральному зданию с колоннами, представлявшему собой жилой комплекс резиденции, провели в сверкающий мрамором и фарфором холл.

– Подождите минуту, – оставил его провожатый, исчезая за входной дверью.

Фенер с любопытством огляделся. Он уже бывал в резиденции премьера, но в его двухэтажном корпусе, приспособленном для встреч с чиновниками министерств и журналистов, жилую же зону видел впервые. Впрочем, особого впечатления интерьер холла на него не произвёл. Пришла мысль, что губернаторы в глубинке России строят себе апартаменты куда богаче.

В холле бесшумно появился ещё один молодой человек, накачанный, с внимательными серыми глазами, одетый в белую рубашку с галстуком и чёрные брюки.

– Идёмте, – сказал он.

Прошлись по коридорчику левого крыла здания, молодой человек постучал в тяжёлую резную дверь, открыл, пропустил гостя.

Фенер вошёл.

Это был рабочий кабинет премьера, по сути, повторявший интерьер его кабинета в Белом доме, но вдвое меньше по размерам.

Барсуков в такой же белой рубашке, что была на провожатом, но без галстука, сидел за столом перед метрового размера экраном компьютера. За его спиной сверкал изразцами красивый камин. Когда дверь открылась, он повернулся к вошедшему лицом, изобразил улыбку.

– Проходите, Олег Илларионович, присаживайтесь. Прошу прощения за поздний вызов. Успели поужинать? Если нет, я прикажу накрыть стол.

– Спасибо, я поужинал, – пробормотал Фенер, впервые видя премьера без пиджака и отмечая узость его покатых, как у крокодила, плеч.

– Не стесняйтесь, чай, кофе, напитки, алкоголь?

– Благодарю, к ночи стараюсь ничего лишнего не употреблять.

– Правильно, – рассмеялся Анатолий Дмитриевич, – здоровый образ жизни удлиняет эту самую жизнь.

Фенер сел за небольшой овальный столик перед камином, на котором стояла ваза с искусственными цветами.

Барсуков пересел к нему напротив, что означало приглашение к деловому разговору. Но вопрос председатель правительства задал не деловой:

– Как семья, дети?

– Спасибо, всё хорошо.

– Я знаю, что вы по вечерам делаете пробежки по набережной, это здорово, завидую. Вот решил заняться спортом. Посоветуйте, как долго надо бегать, не особенно нагружая организм? Особенно в начале процесса?

Фенер вспомнил слова приятеля: я не знаю ни одного совета, дав который я бы впоследствии не пожалел об этом.

– Простите, Анатолий Дмитриевич, но это сугубо индивидуально. Я начинал с получасовых пробежек, теперь бегаю по часу, не быстро.

– Не быстро, – повторил Барсуков задумчиво. – Это хорошо. А мне говорили, что вы любите драйв.

– Кто говорил? – озадаченно поджал губы Олег Илларионович.

– Ваши коллеги. А также, что вы решительный и смелый человек, не боитесь драки, воюете за народ, предлагаете свои реформы экономики. Не страшитесь отстаивать своё мнение в Думе.

– Нет, не боюсь, – мрачно подтвердил Фенер, не понимая, к чему клонит премьер, и досадуя на себя, что не предупредил Зимятова о вызове премьера.

– Такие люди всегда в цене, – вёл свою линию Барсуков, разглядывая лицо собеседника. – Вы далеко пойдёте. Интересно, оказались бы вы перед камнем на перепутье, как былинный богатырь, с надписью: направо пойдёшь, коня потеряешь, налево – ещё что-то, – куда бы двинулись?

– Прямо! – сжал челюсти Фенер.

– Прямо – это по-честному, – кивнул Анатолий Дмитриевич. – Хотя говорят, кто прямо пойдёт – себя потеряет. Не боитесь?

Фенер внезапно понял, о чём идёт речь: премьер знал о встрече депутатов с генералом в ресторане Маринича и пытался прощупать почву, как далеко может зайти в попытке правдоискательства начальник комитета экономической безопасности Думы.

– Нет!

– Вы смелый человек! – восхитился Анатолий Дмитриевич. – Ответ – как выстрел на дуэли! А ведь слово и в самом деле – оружие. Вытащил – действуй! Поэтому важно при этом думать, прежде чем что-то сказать, ибо потом надо будет делать. Согласны со мной, Олег Илларионович?

– Я вас... не понимаю.

– В таком случае давайте поговорим откровенно. Я знаю, какие предложения хочет вынести на обсуждение Думы ваш комитет. Советую очень скрупулёзно подсчитать их полезность для страны и для вас лично. Критиковать правительство можно и нужно, однако не всегда правильно и безопасно. Вы понимаете меня?

- Нет, – с усилием проговорил Фенер.
- Неправильная критика может стоить человеку карьеры. Подумайте об этом.
- Фенер сделал официальное лицо, встал.
- Я могу идти, Анатолий Дмитриевич?
- Барсуков посмотрел на него сожалеюще, сцепил руки на животе.
- Жаль, если вы откажетесь.
- От чего?
- Работать в моей команде. Это весьма и весьма перспективно. Кстати, вы знаете, что произошло два часа назад?
- Сердце ёкнуло.
- Нет, – облизнул губы Фенер, мимолётно подумав, что это слово он произносит сегодня слишком часто.
- На вашего друга Маринича было совершено покушение.
- Фенер побледнел.
- На Виталия... он жив?!
- Жив, но сам факт не сильно позитивен, Олег Илларионович. Идите, взвесьте моё предложение и звоните.
- Фенер вышел из кабинета, не чуя ног.

Событие

Слежку за собой Николай Александрович Зимятов заметил на другой день после взрыва в ресторане «Терпсихора». С его хозяином он был знаком давно, лет пятнадцать, они дружили семьями, ходили друг к другу в гости, встречались часто, а после того, как Виталий Маринич стал бизнесменом и приобрёл ресторан, эти встречи и вовсе приобрели характер потребности, благо в ресторане встречаться было и удобно, и приятно.

В тот вечер Николай Александрович приехать к приятелю на посиделки не смог, был с женой на даче, но утром, узнав о случившемся, примчался в Страстной переулок, где располагался ресторан, и застал Маринича в подавленном состоянии, уныло бродившего по коридорам и залам своего детища, в которое вложил немалые средства.

После разговора с Мариничем Николай Александрович понял, что странный взрыв – не просто дело рук одной из преступных группировок, контролирующих ресторанный бизнес, а нечто другое. Маринич с мафией дела не имел, денег на ресторан ни у кого не одалживал – взял ссуду в банке, должен никому не был и собирался зарабатывать на жизнь честным путём, поэтому и ответил отказом представителям «частной охранной фирмы», предложившим «крышу». За немалые деньги, разумеется. Одной из версий случившегося было именно это обстоятельство: «охранникам» не понравилась самостоятельность новоиспечённого владельца ресторана. Не повлияла на их решение и близость Маринича с генерал-майором милиции, и принадлежность публики ресторана к артистически-богемной среде, в которую входили не только известные артисты, певцы и музыканты, но и чиновники правительства. Несмотря на чуть ли не мистическую подоплёку инцидента, световой взрыв показал, что Маринича хотели не припугнуть, а убрать, и решимость бандитов заставляла искать причины их уверенности и думать о прикрытии группировки: эти люди (если можно было называть их людьми) никого не боялись.

И еще один нюанс смущал Николая Александровича: характер взрыва. Если верить словам начальника охраны ресторана, исполнитель не имел при себе взрывного устройства и тем не менее взорвался! Точнее – буквально испарился от вспышки света! Но даже если допустить, что его просто неумело обыскали, объяснить полное исчезновение исполнителя никаким взрывчатым веществом было невозможно. От исполнителя не осталось буквально ничего! Только мелкие осколки костей, ботинки, пуговицы и клочья костюма!

Поговорив с удручённым Мариничем, Николай Александрович пообещал разобраться с происшествием по своим каналам, позвонил в Управление и вызвал эксперта, хотя в здании уже работала следственная группа МВД. Но у генерала были свои резоны. От взрыва за версту несло спецификой эксперимента, списать его на мафиозную разборку не позволяла элементарная интуиция. Прямо из кабинета Маринича Николай Александрович соединился с ФСБ, позвал к телефону своего давнего приятеля полковника Щербатова и поделился своими соображениями по поводу происшествия в ресторане. После этого он попытался успокоить Маринича, а когда вышел на Сретенку, почти сразу же заметил слежку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.